
ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

ВСЕГДА НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ БЫЛИ ВОЖДИ. К ВОПРОСУ О МАССОВОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНОГО СОЦИУМА

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье автор пытается выяснить особенности массового сознания на Востоке, справедливо полагая, что они кардинально отличаются от представлений и политической культуры на Западе. Для решения этой задачи он рассматривает как общие подходы, выработанные в социальной психологии к феномену массового сознания, так и выясняет «восточную» специфику этого явления. Автор отстаивает концепцию равноправия цивилизаций, подчеркивает необходимость их диалога, а не конфликта. Выступает против так называемого демократического транзита и глобализации мира под эгидой государства-монополиста.

Ключевые слова: элитарная культура, восточный социум, глобализация, редистрибуция, Ли Дачжао, Арабский Восток, Малабарский берег.

Нам выпала нелегкая участь жить в век массовизации всего сущего: как материального, так и духовного. Разрыв между элитарной высокой культурой и народной традицией, существовавший всегда в истории человечества, достиг к середине XX столетия катастрофических параметров и вылился в феномен рождения массовой культуры. Отныне наличие или отсутствие конкретных элементов мира вещей выявляли статус личности на Западе, у «западоидов», по меткому определению Зиновьева. Восток пока сопротивляется давлению «свободного и открытого общества», но все более инертно и вяло. Удастся ли отстоять восточному социуму идентичность, сохранить традиционные ценности в век глобализации?

Именно с целью найти ответы на эти вопросы, выявить особенности и параметры массового сознания на Востоке, кардинально отличные от представлений Запада, мы предпринимаем попытку в серии статей попробовать

приблизиться к решению этой научной задачи. Для этого рассмотрим как общие подходы, выработанные в социальной психологии к феномену массового сознания, так и выясним «восточную» специфику этого явления.

Процесс глобализации международного сообщества стал основным вектором общественного развития со 2-й половины XX в. по наши дни, направленным на интеграцию планетарного социума, конечной целью которого стало не только развитие геополитической ситуации, нацеленной на формирование новой картины мира, функционирование финансовых инструментов, формирующих новое международное разделение труда, но и создание дериватива человека, предельно обезличенного и стандартизированного, идеального элемента нового социального механизма «эпохи масс», зафиксированной как социальный феномен в конце XIX в. выдающимся социальным психологом Г. Лебоном.

В классической монографии «Психология народов и масс» он пишет, что «главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» (1).

Особенно следует отметить, что этот постулат сформулирован Лебоном еще до формирования теории психоанализа З. Фрейда, изучившего роль бессознательного в жизнедеятельности как индивида, так и социальной группы. Основным предметом изучения для Лебона становится «масса», «толпа». Он впервые дал определение этому феномену. Основным типологическим признаком «массы» («толпы») становится слияние индивидов в коллективный разум и чувство, которые нивелируют личностные качества, стандартизируют поведенческие мотивы (2).

Лебон отмечает, что «исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует» (3).

Впервые в социальной психологии детально исследуя феномен «массы», массового сознания, Лебон не ограничивается констатацией явления, но помимо формулировки дефиниции, дает ему развернутую характеристику, фиксируя специальные свойства:

1) растворяясь в массе, индивид впадает в состояние загипнотизированного объекта, обладает повышенной восприимчивостью к внушению. «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы коллективному» (4);

2) массы (массовое сознание):

– импульсивно и изменчиво;

– преувеличено и односторонне;

– нетерпимо, консервативно и авторитарно.

Массовое сознание «питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас ... ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия его существования» (5).

Особый интерес у Лебона вызывали идеи, которые управляют массами. Он разделяет их на два разряда:

1) временные, скоропроходящие, зародившиеся под влиянием сиюминутных ситуативных факторов (преклонение перед личностью, идеологической доктриной);

2) основные идеи, которым социальная среда, генетика, общественное мнение придают устойчивость (религиозные верования, традиции) (6).

Исследуя этот вопрос, Лебон приходит к гениальному выводу о том, что «каковы бы ни были идеи, внушенные толпе, они могут сделаться преобладающими не иначе, как при условии быть облеченными в самую категоричную форму» (7).

В этом случае идеи выступают в виде образов. Эти идеи-образы не соединены между собой логической связью и могут заменять одна другую так, «как в волшебном фонаре одно стекло заменяется другим рукой фокусника, вынимающего их из мешка, где они были сложены вместе» (8). Именно поэтому массовое сознание может содержать в себе противоречивые, а подчас и взаимоисключающие идеи и взгляды. В соответствии с моментом массы попадают под влияние одной из этих идей и могут совершать противоположные действия. Отсутствие критической способности (самокритика – свойство индивидуального сознания) не позволяет ей замечать эти противоречия (9).

И действительно, XX в. стал столетием невиданного манипулирования массовым сознанием. Предвидение Лебона воплотили на практике все харизматические лидеры с начала XX в. и по настоящее время.

Разделяя идеи, консолидирующие и управляющие массами, Г. Лебон отмечал, что по форме они всегда носят религиозную окраску. Он называет это свойство «религиозным чувством» (10), суть которого в «обожании предполагаемого верховного существа, боязнь предписываемой ему магической силы, слепое подчинение его велениям, невозможность оспаривать его догматы. Желание распространять их, стремление смотреть как на врагов на всех тех, кто не признает их» (11). Герой, которому поклоняется толпа, по истине для нее Бог (12).

Основными контурами системы, созданной Г. Лебоном, являются: фиксация массового сознания (масс) как социального феномена; вывод о деиндивидуализации социальных единиц в массе под влиянием внушения; рассмотрение гипнотического внушения как основной поведенческой модели вождя (лидера) масс.

Содержательным наполнением концепции Лебона являются следующие выводы:

– с точки зрения социальной психологии, масса – это не беспорядочная и бессистемная совокупность людей, а общество индивидов, обладающих психической общностью;

– действия индивида носят содержательный характер, массы – бессознательны, коллективны;

– массовое сознание – консервативно;

– массам необходим авторитет, лидер, который овладевает ими коллективным бессознательным гипнозом, внушением, а не рациональными доводами;

– коммуникация имеет иррациональную основу, так как критический подход мешает действию.

Пропагандистское внушение должно апеллировать к эмоциям, опираясь на образцы, используя простые и категоричные вербальные формулы (13). Выводы, сделанные Г. Лебоном, создали теоретический фундамент для многих идеологических доктрин XX в.

Значительный вклад в изучение психологии масс был внесен Габриэлем Тардом, который являлся последователем Лебона. Он предпринял анализ массового сознания социумов анархических и спонтанных и пришел к выводу, что не они являются основным объектом изучения. Большой интерес вызывают массы организованные и дисциплинированные. Тард осуществил качественное развитие теории Г. Лебона, в своих исследованиях он переходит от массы аморфной к массе структурированной. Таким образом, меняется общий вектор исследования. От тезиса: «В начале люди создали общество, а затем появились массы» к тезису: «В начале люди существовали в массе, а затем они создали общество» (14).

Сами социальные институты (семья, церковь, нации и т.д.) являются превращенными формами простейшего общества – толпы, массы. Следовательно, задача науки – не объяснение свойств массы исходя из понимания общества, а свойств общества на основе знаний о массе (15). Развивая постулат о важности изучения именно структурированных масс, Г. Тард выдвигает гипотезу о приоритете средств коммуникации над всеми иными инструментами воздействия (16).

Г. Тард предвосхитил колоссальное развитие СМИ во второй половине XX в. Его вывод, сделанный в конце XIX в., касался только прессы, но в равной степени его можно перенести на радио, телевидение и Интернет. Тард, исследуя коммуникацию, приходит к выводу о том, что она является разновидностью внушения и сближает деятельность сотрудника СМИ (журналиста) с воздействием гипнотизера. Он описывает, как идеи из прессы проникают в каждый дом, превращая индивидов в невидимую толпу, массу с внушенным коллективным бессознательным.

Итак, каждому типу социума, по Тарду, соответствует тип социальной коммуникации. Традиционному обществу – из уст в уста (социальное сообщество – толпа); современному обществу (конец XIX в. – С.В.) – газета, (со-

циальное сообщество – публика). Каждому этапу развития социума соответствует свой тип лидера. Пресса породила собственный тип – публициста (17).

Анализируя феномен коммуникативного сознания, Тард уделил пристальное внимание феномену «разговора», хотел создать специальную дисциплину, которая была бы посвящена его изучению (18). Очевидно, что разговор является не только функцией речевого обмена. Собеседники используют весь арсенал психологизмов (взгляд, интонация, выражение лица и т.д.). Разговор – это прежде всего напряжение разума и фиксация внимания. Современный французский исследователь С. Московичи, разделяя этот вывод Тарда, отмечает, что «никакое другое социальное отношение не вызывало бы столь глубокого взаимопроникновения между двумя людьми, не оказало бы большего влияния на их мысли, чем разговор» (19).

Тард прослеживал эволюцию разговора от античности до салона XIV в., изобретенного аристократией и ставшего центральной комнатой апартаментов. Разговор – это социальный феномен. Согласно Тарду, беседы не только обогащают язык и интеллект индивидов и социума, но и служат препонной абсолютной (тоталитарной) власти. Тард утверждал, что «существует тесная связь между течением беседы и изменением во мнениях, от которого зависят превратности власти. Именно там, где мнение меняется мало, медленно, остается почти неизменным, – разговоры редки, тихи, они замкнуты в тихом круге молвы. Там, где мнение подвижно, оживленно, где оно переходит из одной крайности в другую, – разговоры часты, смелы, независимы» (20). Тард испытывал ностальгию по античным традициям беседы, по средневековым салонам, где с точки зрения политической жизни, беседа до появления прессы являлась неприступным оплотом свободы, распоряжалась авторитетами и властью, уравнивала собеседников, ассимилируя их, разрушала иерархии посредством их обсуждения (21).

Конец XIX в., по мнению Тарда, ознаменовался закатом разговора и началом второй фазы коммуникации – рождения коммуникативных средств, заменяющих разговор. Пресса подменила общение. Теперь СМИ навязывают свои темы, безапелляционные суждения. Особенное воздействие приобретают СМИ в кризисное время. Тард пишет, что в это время «нация превращается... в огромный массив возбужденных читателей, лихорадочно ожидающих сообщений» (22).

В результате развития коммуникативных связей произошло охлаждение к общественной дискуссии, к общественным местам. Массы двинулись по пути дальнейшего обезличивания и управляемости. Коммуникативное сознание является расконцентрированным, распыленным, оно ослабляет контакты и оставляет индивида один на один с властью и ее коммуникациями, формируя некое универсальное, тотальное сознание. Антрополог Марсель Мосс зафиксировал эти перемены в движении от *homo duplex* (человека разделенного) к *homo simplex* (человеку единому, тотальному). Первый облада-

ет собственным индивидуальным, отделенным от социума и его представлений, сознанием. Второй стал элементом социальной мозаики, его разум и эмоции синтезированы с коллективным представлением, его реакции предельно обобщены и лишены индивидуальных проявлений (23).

Тард, по сути дела, предсказал появление массового общества, массовой культуры. Английский исследователь С. Гинер пишет: «Тард внес первоначальный решающий вклад в дисциплину, которая сегодня известна как “теория массовой культуры”» (24).

Тард уделил внимание изучению феномена подражания в массовом сознании. Он рассматривал подражание как «инстинктивную лень, чтобы избежать труда что-то выдумывать» (25). В глубине сознания каждого индивида «дремлет овечья натура, заставляющая избегать страданий и риска изобретателя и просто с наименьшими затратами воспроизводить изобретение, которое потребовало значительной энергии» (26). Подобные подражательные мотивы свойственны обществу. Значительно проще, чем аккумулировать собственные идеи, иметь внушенные, считая их спонтанными – «вот иллюзия, свойственная сомнамбуле и точно так же общественному человеку» (27). В качестве основы внушаемости Тард видит стремление к конформизму. Конформизм это средство самоуспокоения и самообмана, он погружает массовое сознание в мир иллюзий, сновидений. Индивиды подражают, подчиняются как сомнамбулы и в итоге растворяются, деиндивидуализируются в массе. Г. Тард блестяще лаконично резюмирует свои умозаключения в формуле: «общество – это подражание, а подражание это род сомнамбулизма» (28).

Бесценный вклад в социальную психологию внесли труды австрийского ученого З. Фрейда. Его работы «Психология масс и анализ “Я”», «Моисей и монотеизм», «Тотем и табу» совершили прорыв не только в области психологии массового сознания, но и открыли новые горизонты в психологии лидерства. Анализируя проявления индивидуального «Я», в его следствиях он видит проявление социального, в виде масс и вождей. Пристальным объектом его изучения становится дефиниция «бессознательное», воплощенное как в индивиде, так и в толпе, массе. Бессознательное в толпе классифицируется Фрейдом как фобия. З. Фрейд удалось подняться на качественно более высокий уровень теоретических обобщений. Заслуга Г. Лебона заключается в фиксации и описании феномена массы, Г. Тарда – в попытке начать анализ ее функционирования. Фрейд в своей работе «Психология масс и анализ “Я” (1921 г.) впервые попытался объяснить, почему массовое сознание таково, каким оно является в разные исторические периоды, выявить детерминизм между действием и сознанием массы. По справедливому замечанию С. Московичи, «такой подход является основополагающим в науке» (29).

Являясь последователем Лебона и Тарда, Фрейд развил их концепции и перевел некоторые из их положений на язык психоаналитики. Прежде всего,

он разграничил сферы изучения социологии и психологии. Он пишет: «Социология, изучая по-своему поведение людей в социуме, может быть только прикладной психологией. Строго говоря, существуют две науки: чистая и прикладная психология и наука о природе» (30). При этом Фрейду свойственна абсолютизация значения чистой психологии, человеческого невроза. И антропология, и история, и социология полностью погружаются в область психопатологии. Безусловно, эта констатация ни в коей мере не умаляет значение его ценнейших и революционных открытий.

Фрейд начал анализ с выяснения различий поведенческого характера между индивидом и социализированным индивидом, растворенным в толпе. Если в глубинах индивидуального сознания бессознательное активно подавляется, то в массе подавление бессознательных тенденций значительно уменьшается. Массовое сознание импульсивно, изменчиво и возбуждено. Оно не имеет самокритики. Его поведение определяется исключительно бессознательным. Массы оперируют образами, не видят различий между истинным и ложным. Именно в этом истоки их категоричности, слепого доверия и подчинения власти. Как пишет З. Фрейд, массы «никогда не жаждали истины. Они хотят иллюзий... Они всегда отдают предпочтение ирреальному, а не реальности; нереальное действует на них также, как и реальное. Они не отличают одно от другого» (31). Фрейд убедительно показал, что незначительны различия индивидуального сознания, опирающегося на нормы морали и культурных традиций, подавляющего бессознательное и массового, уничтожающего в периоды кризисов и исторических надломов барьеры морального и открывающего «темный мир» бессознательного, переворачивающего представления о психической и социальной норме (32).

В соответствии с взглядами Г. Лебона индивид в массе подвержен регрессу, разнородное утопает в однородном, индивид приобретает несвойственные ему качества, смешиваясь с другими индивидами в процессе социального микширования (33).

З. Фрейд возражает ему, заявляя, что это не новые индивидуальные черты, а имманентно присущие каждому индивиду, но подавленные. Однако перемещение индивидуального «Я» в коллективное приводит к снятию напряжения, и верх берет бессознательное, зародыш «темного» в сознании индивида (34).

З. Фрейд развил теорию о подражании Тарда, назвав это явление идентификацией, «ассимиляцией одного “Я” другим, в результате которой “Я” ведет себя в определенном смысле так же, как и второе, имитирует его и в некотором смысле вбирает его в себя» (35). Идентификация – стремление к стереотипам группы, социума, нации, своего рода камуфляж индивида. Идентификация носит различные формы: от желания защитной мимикрии до формы присвоения, желания растворить личность другого в себе, поглотить ее. Знаменитые фразы Людовика XIV «Государство – это я!» или президента Индонезии Ахмеда Сукарно «Главное в нашей демократии – это ру-

ководство» или «Встретиться со мной все равно, что встретиться с Индонезией» являются примерами подобной абсолютной идентификации (36). Проблема идентификации состоит в выборе модели для подражания. В глубине психики возникает, как правило, образ Отца – идеал «Я», или «Сверх-Я». В этом случае психика индивида раскалывается на противоположные составляющие «Я», на два «Я». С одной стороны, это полюс табу и усвоенных норм морали, с другой – бессознательное. Наличие «Сверх-Я» приводит к снятию индивидуальной ответственности, перекладыванию ее на Отца, место которого зачастую занимают наставники, духовные и политические лидеры. Весьма иллюстративна в этом плане фраза рейхсмаршала Германа Геринга – государственного деятеля нацистской Германии: «У меня нет совести, моя совесть – это Фюрер» (37).

Итак, З. Фрейд дает ответ на вопрос, что же заставляет массу действовать в одном направлении, находит основы социальной связи. Основы – в идентификации. Индивид разделяется на «Я»-индивидуальное и «Я»-социальное или «Сверх-Я», которое выступает доминантой его психики. Эта структура личности важна еще и тем, что позволяет объяснить и подражание, и деиндивидуализацию в массе, и механизм подчинения лидеру, вождю. Он пишет, что «Сверх-Я» отныне становится основанием его теории, что прояснение строения социальной массы «отсылает к разграничению “Я” и идеала “Я” и к двойному типу связи, который становится возможным, идентификации и замещению объекта на месте идеала “Я”» (38). Крайне важным представляется вывод о том, что в массовом сознании «Сверх-Я», социальное «Я» каждого индивида – это лидер, вождь, тот самый общий, связующий их сознание воедино элемент. Трудно поспорить с философским замечанием Мао Цзэдуна: «На самом деле, всегда необходимо, чтобы были вожди» (39).

Среди современных исследователей психологии массового сознания особое место занимает крупный французский социальный психолог Серж Московичи и его теория социальных представлений. Согласно его концепции социальные представления являются социальным объединенным сознанием, которое представляет собой синтез иррациональных убеждений, идеологических установок, знаний. Особенно важным, по его мнению, является социальное происхождение этих представлений, убежденность индивида в их справедливости (40).

Заслуга С. Московичи состоит во включении столь объемного, многомерного пласта социальной реальности в предмет научного изучения (41).

Однако трудно согласиться с жестким антагонизмом индивида и массы у французского исследователя. Он пишет: «Люди отдельно друг от друга ведут себя нравственным и разумным образом, но они же становятся безнравственными и неразумными, когда собираются вместе» (42). В этом тезисе он повторяет взгляды Лебона. Далее он отмечает: «Наши индивидуальные способности восприятия и наблюдения внешнего мира продуцируют

верное знание, тогда как социальные факторы провоцируют искажения и отклонения в наших убеждениях и знаниях о мире» (43).

По справедливому замечанию отечественного социального психолога А.В. Брушлинского, во всех подобных случаях существует опасность того, что индивидуальное вообще может оказаться вне социального (44). Подобное резкое противопоставление снимается, если внести различие между социальным и общественным, которые обычно рассматриваются как тождество. Это и было сделано Брушлинским, который понимает социальность как неразрывные взаимосвязи между людьми. Эта социальность всех взаимодействий индивида и мира (социума, природы и т.д.). Следовательно, любой индивид и его психика изначально и всегда социальны. Социальность может проявляться в различных формах: в индивиде, в группе, массе, нации. Поэтому важно различать, по его мнению, термины «социальное» и «общественное». Связанное с природным социальное – это всеобщая, исходная и абстрактная характеристика субъекта и психики в их общечеловеческих качествах. Общественное же – это конкретная типологическая характеристика разнообразных частных проявлений всеобщей социальности: национальных, культурных. Следовательно, любой индивид не менее социален, чем группа. В результате, согласно концепции Брушлинского, социальное, общественное и индивидуальное соотносятся как всеобщее, особенное и единичное (45).

Таковы основные методы и подходы, выработанные социальной психологией к изучению феномена массового сознания. Среди выдающихся исследователей нельзя не отметить Х. Ортегу-и-Гассета, Э. Канетти, Г. Блуммера, а также отечественных исследователей Б.Ф. Поршнева, В.М. Бехтерева. Однако именно проанализированные выше концепции определили контуры изучения массового сознания и имеют принципиальное значение для нашего исследования.

К вопросу о методологии исследования... Предпринимая попытку анализа столь сложного и многомерного феномена, долгое время оставшегося в востоковедении «terra incognita», как массовое сознание на Востоке, хотелось бы изначально внести ясность в терминологию и определиться с дефинициями. Одним из направлений научного знания является компаративистский подход, в основе которого лежит сравнительный анализ Западной и Восточной цивилизаций, сопоставление, а порой и противопоставление культурно-исторических типов (46). Согласно значительному количеству компаративистских исследований Запад выступает как индустриальное общество, высоко урбанизированный и высокоразвитый социальный механизм. Основой массового сознания является индивидуализация личности, составляющая «скелет» общества персонального достижения. Широко развиты гражданские свободы и права. В основе западного производственного процесса лежит капитал, а следовательно, и стратификация общества.

При сравнении типа и структуры социальности на Востоке формируется следующая картина. Восток зачастую представляется отсталым, аграрным.

Основой массового сознания выступают межличностные отношения, действует нормативный контроль государства. Базисом производства является реципрокная редистрибуция (распределение как основа). Господствующими выступают родоплеменные, этнические отношения.

В политическом аспекте западное общество выступает как гражданское, демократическое. Восток видится с преобладанием патриархального уклада, с авторитарными режимами.

Одним из первых выразил характерное понимание культурных различий между Востоком и Западом китайский ученый, пропагандист марксизма в 20-е гг. XX в. Ли Дачжао. Он полагал, что отличия Востока и Запада носят антагонистический характер. При этом его сравнительные характеристики базировались на абстрактном, вырванном из исторического контекста анализе культурных доминант цивилизаций (47). Сравнение культурных особенностей можно выразить следующим образом.

Запад	Восток
1. Материализм	1. Духовность
2. Секуляризм	2. Конфессиональность
3. Реализм (прагматизм)	3. Идеализм
4. Объективизм	4. Субъективизм
5. Плюрализм	5. Монизм
6. Рациональность	6. Интуитивность
7. Разум (Логос)	7. Путь (Дао)
8. Динамизм	8. Инертность
9. Прогресс	9. Застой
10. Искусственность	10. Естественность
11. Покорение природы	11. Адаптация природы
12. Право	12. Мораль
13. Сциентизм	13. Сакральность
14. Свобода	14. Порядок
15. Равенство	15. Подчинение
16. Волонтаризм	16. Фатализм
17. Индивидуализм	17. Коллективизм
18. Антропоцентризм	18. Геоцентризм
19. Линейность хроноса	19. Цикличность

Таковы, уже ставшие хрестоматийными, компаративистские подходы.

На наш взгляд, в подобном подходе присутствуют одномерность и механическое сопоставление изначально несравнимых характеристик. Более того, в основе такого анализа лежит европоцентристский, предельно вестернизированный подход. Научное знание не может быть «западным» или «восточным», оно должно быть объективным, детально анализирующим

причинно-следственные связи явлений и феноменов. М.В. Ильин отмечает: «Несмотря на накопление ориенталистских обширных знаний о развитии и функционировании политических систем за пределами Европы, о вкладе Востока в развитие самой Европы... самодовольной европоцентризм, граничащий с шовинизмом, не только не отступил, но упрочил позиции» (48).

Взяты отдельно, без глубокой взаимосвязи, сравнительные характеристики некоторых исследователей отчасти верны. Но как только поверхностное сравнение явлений социально-экономической и культурной жизни социумов вплетается в пеструю социальную мозаику, такой подход выявляет свою несостоятельную механику, заключающуюся в некорректной системе координат научного анализа, базой которого выступает априори приоритет западных культурных и политических ценностей. Подобное сравнение не учитывает всего комплекса глубокого детерминизма, характерного для восточных обществ и сложнейшей структуры массового сознания. Б.С. Ерасов – известный ученый-востоковед, предметом научного исследования которого были восточные цивилизации, критикуя подобные сопоставления, отмечает, что необходимо понимать пределы применимости или ограниченности сравнительных исследований (49).

Для корректности сопоставления культур необходимо выделять базисные, фундаментальные универсалии с целью целостно-содержательной сравнительной характеристики явлений. Следует учитывать, что каждая цивилизация (восточная и западная) это, прежде всего, полиморфизм, то есть многообразие сложнейших социально-экономических и культурных явлений. Даже в национальных культурах присутствуют субкультурные элементы, отношения между которыми нередко носят антагонистический характер.

Необходимо учитывать, что культура – это совокупность культурных компонентов, то есть подсистем социального бытия. Многие компаративистские исследования фиксируют лишь сепаратные характеристики без понимания и анализа его целостного содержания и формы. Таким образом, утрачивается целостность представления о предмете, возникает сциентистское знание о конкретном факте, вырванном из исторического контекста. Зачастую компаративистика не учитывает подвижность социальных и культурных феноменов, обрекая Восток на статику, многие сравнительные исследования не замечают «оттенков вкуса» исторических феноменов, игнорируют полутона, разделяя все явления лишь на черное и белое. Хотя лишь сравнение раннего ислама, буддизма и конфуцианства приносит результаты, значительно отличающиеся от тех, которыми характеризуются эти религиозные системы на поздних этапах своей эволюции (50).

Многие исследования компаративистики подводят к формированию своеобразной дихотомии Запада и Востока, в которой Запад – это цивилизация, а Восток – варварство. Хотя еще в конце XVIII в. выдающийся немецкий философ И.Г. Гердер в «Идеях к философии истории человечества» исследовал западные и восточные общества, признав их равноправие и многооб-

разии культурной и политической жизни, предвосхитив многие научные открытия и умозаключения (в частности, о религиозной традиции, разуме и языке – как символах, специфике менталитета арабов и т.д.) (51).

В начале XX в. О. Шпенглер в классическом труде «Закат Европы» заявил о своеобразии неевропейских культур (52). А. Дж. Тойнби выступал с критикой дихотомных оценок Запада и Востока, призывая к целостной универсальной картине сосуществования цивилизаций (53).

Завершая нашу полемику с рядом направлений компаративистики, настаивающих на отсталости Востока, хотелось бы привести несколько конкретно исторических аргументов. Ч. Чейс-Дан и Э. Виллард доказали, что процесс урбанизации на Востоке на большом историческом отрезке времени обгонял аналогичный на Западе (54). Сравнивать корректно не по количественным параметрам, а по качественным; по типу устройства городов в социально-политическом плане, по роли города, по виду взаимоотношений города и государства. В этих нюансах и кроется значительное различие между западным и восточным городом.

Относительно «застойности» восточных обществ хотелось бы отметить, что вплоть до XV–XVI вв. восточная цивилизация опережала в своем развитии Запад по многим параметрам: в технологическом плане, философии, науке, в политико-административном устройстве. Яркой иллюстрацией этого является характерный пример, приведенный в монографии «Величие и падение португальской колониальной империи» известным ученым, африканистом и востоковедом А.М. Хазановым. В мае 1498 г. португальский флот Васко да Гамы впервые прибыл в Индию. Португальцы с удивлением обнаружили богатые и процветающие города... Города-государства Малабарского берега были очень богатыми. Прибыв в Индию, португальцы увидели, что грубо сделанные (на индийский взгляд) европейские товары не имеют для сказочно богатой индийской знати никакой цены. Оказалось, что торговать европейцам в Индии нечем (55).

Характеризуя культурную традицию в Европе, П.А. Сорокин отмечал, что до XVI в. «в Европе господствовала умозрительная культура, в центре которой стояло сверхчувственное и сверхрациональное Царство Божие. Конечно, она отставала от научных и технических достижений восточных культур – индийской, китайской, арабской. И здесь вновь вместо векового контраста между... «эстетическим Востоком и теоретическим Западом мы получаем подвижную картину: вплоть до XV в. Запад отставал от Востока в теоретических науках и технике, а в последние пять веков шел впереди» (56). На Востоке существовала значительно большая степень свободомыслия в развитии философии, медицины, астрономии, математики. И наконец, весьма характерный факт. В Танско-сунском Китае доля грамотного населения составляла 30–40%, а в средние века в Западной Европе – 1–2% (57).

Известный ученый-арабист В.В. Наумкин, характеризуя влияние Востока на Запад в период крестовых походов, подчеркивает: «В течение двух ве-

ков господства епископов и рыцарей-крестоносцев над частью Арабского Востока его цивилизация оказывала огромное влияние на многие стороны материальной и духовной культуры европейцев» (58). В период контактирования западной и исламской цивилизаций осуществилось колоссальное воздействие мусульманского мира на европейцев. Европейские рыцари стали чаще мыться, устраивая неизвестные им прежде горячие бани, относительно чаще менять белье и верхнее платье, чего раньше вообще не делали. Они заимствовали ряд технических новшеств, в частности ветряные мельницы и водяное колесо. Они узнали о существовании почтовых голубей, научились выращивать многие новые сельскохозяйственные культуры, переняли производство многих изящных тканей. В этот период на Запад попали восточные геральдические знаки и арабские музыкальные инструменты (59).

Таким образом, при рассмотрении восточного социума, его массового сознания, уровня политической культуры, специфики государства и политического лидерства на Востоке следует избегать механического сравнения западной и восточной моделей, не экстраполировать европоцентристские клише на восточный социум, снять вестернизированный негативизм с ряда понятий политической и культурной жизни Востока. Думается, что правомерно ввести относительно восточного социума понятие «иное», «другое» общество, уйдя от поляризации по принципу «позитив – негатив», поскольку то, что с негативизмом воспринимается западным менталитетом, зачастую является единственно возможной социальной моделью, обеспечивающей стабильность и поступательное развитие на Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб, 1895. – С. 145.
- (2) *Лебон Г.* Психология народов и масс // Психология масс. – М., 1998. – С. 11.
- (3) Там же. – С. 16–17.
- (4) Там же. – С. 15.
- (5) Там же. – С. 18–31.
- (6) Там же. – С. 34.
- (7) Там же. – С. 35.
- (8) Там же.
- (9) Там же.
- (10) Там же. – С. 42.
- (11) Там же.
- (12) Там же. – С. 43.
- (13) *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб, 1895. – С. 14.
- (14) Цит. по: *Московичи С.* Век толп: исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 199.
- (15) Там же. – С. 200.
- (16) *Tarde G.* Les Transformations du pouvoir. – P., 1895. – P. 25.
- (17) Цит. по: *Московичи С.* Век толп. – М., 1996. – С. 229.

- (18) *Tarde G.* L'opinion et la Foule. – P., 1910. – P. 165.
- (19) *Московичи С.* Указ. соч. – С. 231.
- (20) *Tarde G.* Op. cit. – P. 133.
- (21) *Idem.* – P. 126.
- (22) *Idem.* – P. 103.
- (23) *Mauss M.* Sociologie et Anthropologie. – P., 1973. – P. 306.
- (24) *Giner S.* Mass Society. – Londres, 1976. – P. 60.
- (25) *Tarde G.* Les Lois de l'imitation. – P., 1910. – P. 55.
- (26) *Московичи С.* Указ. соч. – С. 204.
- (27) *Tarde G.* Op. cit. – P. 83.
- (28) *Idem.* – P. 95.
- (29) *Московичи С.* Указ. соч. – С. 274.
- (30) *Freud S.* New Introductory Lectures on Psychoanalysis. Standart Edition. – Т. XXII. – L., 1948. – P. 179.
- (31) *Freud S.* Essays de psychanalyse. – P., 1972. – P. 96.
- (32) *Московичи С.* Указ. соч. – С. 291.
- (33) *Лебон Г.* Психология народов и масс // Психология масс. – М, 1998. – С. 15.
- (34) *Freud S.* Op. cit. – P. 89.
- (35) *Freud S.* New Introductory Lectures on Psychoanalysis. – P. 63 (подробнее см.: *Фрейд З.* «Я» и «Оно». – Тбилиси, 1991).
- (36) *Московичи С.* Указ. соч. – С. 315.
- (37) Цит. по: *Московичи С.* Указ. соч. – С. 323.
- (38) *Freud S.* Massenpsychologie und Ich – Ana Lyse, Gesammelbe werke. – Т. XIII. – P. 145.
- (39) Цит. по: *Московичи С.* Указ. соч. – С. 346.
- (40) *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – М., 1995. – № 1.
- (41) *Брушлинский А.В.* Социальная психология в России и теория Сержа Московичи // Век толп. – М., 1996. – С. 8.
- (42) *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 4.
- (43) Там же.
- (44) *Брушлинский А.В.* Указ. соч. – С. 8.
- (45) Там же. – С. 9–10.
- (46) Хансен Ч., Робинсон Р., Анкетиль-Дюперрон А.Г., Манро Т., Полителла Дж. и др. См. также: *Колесников А.С.* Философская компаративистика. Восток–Запад. – М., 2003.
- (47) *Делюсин Л.П.* Спор о социализме. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х гг. – М., 1980. – С. 23–24.
- (48) *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М., 1997. – С. 286.
- (49) *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 303.
- (50) *Ерасов Б.С.* Указ. соч. – С. 303–304.
- (51) *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 252–253, 563, 567.
- (52) *Шпенглер О.* Закат Европы. – М., 2006.

- (53) *Тойнби А.Дж.* Исследования истории. – М., 2004.
- (54) *Chase-Dunn Ch., Willard A.* Cities in the Central political // Military network since CE 1200: Size hierarchy & domination // *Comparative civilizations Review*. – 1994. – № 30. – P. 118–119.
- (55) См. подробнее: *Хазанов А.М.* Величие и падение португальской колониальной империи. – М., 2007. – С. 7.
- (56) *Sorokin P.* Sociological theory today. – N.-Y.; L., 1966. – P. 261.
- (57) *Мельянцева В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: уровни, темпы, факторы экономического развития // *Восток*. – 1991. – № 6. – С. 69.
- (58) *Россия в глобальной политике*. – М., 2007. – № 5. – С. 175.
- (59) Там же. – С. 175–176.

**IT IS ALWAYS NECESSARY TO HAVE LEADERS/
ON THE QUESTION OF THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE
EASTERN SOCIETY**

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The author tries to clarify the features of the mass consciousness in the East, believing that they are fundamentally different from that of the political culture of the West. To solve this problem he sees as common approaches developed in social psychology to the phenomenon of the mass consciousness, and finds the «Eastern» the specificity of the phenomenon. The author defends the concept of equality of civilizations, emphasizes the need to dialogue, not conflict. Opposes the so-called democratic transition and globalization of the world under the auspices of the State monopoly.

Key words: elite culture, eastern society, globalization, redistribution, Li Dazhao, Arab East, the Malabar Coast.